Пространство перевода

СКАЗАНИЕ О НАРЦИССЕ

Перевод
ПАВЛА РЫЖАКОВА

Сказание о Нарциссе

Неустановленный автор

Аннотация
Неустановленный автор. Сказание о Нарциссе
Предисловие к русскому изданию «Сказания о Нарциссе». (Le lai de Narcisse)
1
2
3
Пролог
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
От переводчика

Аннотация

Миф о Нарциссе стал широко известен благодаря Овидию. Анонимная поэма XII века «Сказание о Нарциссе» основывается на Овидиевых «Метаморфозах», однако средневековый поэт превращает античный миф в повесть о несчастной любви и отводит главенствующую роль новому персонажу – девушке по имени Данэ, полюбившей Нарцисса. Герои теряют античные черты и приобретают сходство с типичными персонажами средневнековых романов: юным рыцарем и принцессой. Подлинного совершенства безымянный автор достигает в монологах своих героев.

Настоящее издание предлагает вниманию читателей первый русский перевод «Сказания о Нарциссе». Книга открывается коротким эссе Изабель де Рикер, известного испанского медиевиста.

Неустановленный автор
Сказание о Нарциссе

© П. Рыжаков, перевод, послесловие, 2019
© Изабель де Рикер, предисловие, 2019
© Издательство «Водолей», оформление, 2019

Предисловие к русскому изданию «Сказания о Нарциссе» *(Le lai de Narcisse)*

1

Зарождение литературы на романских языках произошло в начале XII века на территории, охватывающей современную Францию. Ранее художественные произведения в Западной Европе создавались исключительно на латыни, а «национальные» (они же «народные») языки употреблялись только в низовых жанрах. Первыми романскими языками, использованными в литературных целях, стали язык «ойль» (собственно французский) — на севере Франции, и язык «ок» (окситанский) — на юге[1].

Говоря о произведениях, написанных на этих народных языках, будь то кансоны, жизнеописания святых, эпические песни или стихотворные романы, важно иметь в виду, что они создавались в расчете на устное исполнение: чтецом или аккомпанирующим себе на музыкальном инструменте певцом. Сила текста находила выражение

---

[1] Примечания: 1

Эти названия отражают звучание слова «да» на каждом из этих языков. Отметим, что «ойль» *(oil)* превратилось в «ои» *(oui)* в современном французском, а «ок» *(oc)* сохранилось в некоторых диалектах современного Прованса и граничащих с Францией областей Испании. *Здесь и далее — применения переводчика.*

в живом слове, и театральная составляющая имела важнейшее значение. Поэтому связность повествования и стройность формы зачастую отходили на второй план. Авторы ориентировались не на внимательного читателя, способного оценить текст в его совокупности, а на сиюминутного слушателя, воспринимающего стихи вживую. Тексты представляли собой, как правило, последовательность ярких запоминающихся эпизодов. Нередко авторы даже не стремились увековечить свое имя, что объясняет трудности в установлении не только авторства, но и датировки многих средневековых произведений.

Сочинительское искусство средневековых авторов обнаруживает связь с рядом риторических и эстетических принципов, заимствованных у античных писателей — либо непосредственно из произведений последних, либо из учебников по грамматике и поэтике. Первые французские сочинители, будь то романисты, трубадуры, авторы хроник или эпических поэм, сознательно или бессознательно использовали (порой отчасти видоизменяя) приемы, завещанные предшествующей литературной традицией, а также создавали новые, которые в дальнейшем, — начиная с XIII века, — систематизировались и

облекались в форму трактатов, рассчитанных на следующие поколения писателей.

Первыми европейскими «романами» были вольные стихотворные переложения римских и греческих сюжетов[2]: трагедии об Эдипе («Роман о Фивах»), вергилиевой «Энеиды» («Роман об Энее»), истории о Троянской войне и аргонавтах («Роман о Трое») и др. Французские авторы воспроизводили античные произведения, используя народный язык, делая их доступными широкой публике, для которой латынь (продолжавшая свое существование в качестве церковного и юридического языка) становилась все менее понятной. Произведения классиков, покинув монастырские, епископальные и приходские библиотеки, представали в виде французских переложений перед образованной публикой феодальных дворов. Таким образом, знакомство с литературой античности, хотя бы опосредованное, не прерывалось.

Представим себе, как в конце XI века некий клирик, интеллектуал, покинув по собственному желанию обогативший его широкими позна-

[2] Примечания: 2

Средневековый Запад не знал греческого языка. Поэтому греческие произведения были известны во Франции только по латинским переложениям.

ниями монастырь или церковную школу[3], направляется к какому-нибудь феодальному двору, чтобы предложить там свои услуги в качестве секретаря, юриста, хрониста или сочинителя — на латыни или народном языке. Этот интеллектуал Средневековья осознает, что все, что он почерпнул из произведений классиков (героические сюжеты — в эпопеях Гомера, Вергилия и Стация[4], любовные мотивы — у Овидия, правила литературной композиции — у Горация и Цицерона, грамматические конструкции — у Доната и Присциана[5], исторические и естественнонаучные знания — у Саллюстия[6], Геродота, Плиния) — все, что он штудировал прежде, можно перенести на почву родного языка, достигшего на тот момент достаточной зрелости, чтобы стать

---

[3] Примечания: 3

До возникновения университетов систематическое образование в Европе можно было получить исключительно в церковных школах: монастырских, епископальных или приходских.

[4] Примечания: 4

Публий Папиний Стаций (ок. 40 — ок. 96) — латинский поэт, автор героической поэмы «Фивиада», популярной в Средние века.

[5] Примечания: 5

Элий Донат (320 — ок. 380 н. э.) и Присциан Цезарейский (V в. н. э.) — римские грамматики, авторы учебников, широко использовавшихся в Средние века.

[6] Примечания: 6

Гай Саллюстий Крисп (86 до н. э. — 35 до н. э. (?)) — древнеримский историк, широко изучавшийся в средневековых школах (преимуще-

ственно из-за лаконичности его стиля).

языком литературным. Наш клирик понимает, что на народном языке великие произведения прошлого найдут множество почитателей.

Оказавшись при дворе, эрудит получал покровительство. Двор брал на себя его содержание, снабжал всеми необходимыми материалами (пергаментом, перьями и чернилами), предоставлял в распоряжение переписчиков, иллюминаторов и миниатюристов. Таким образом, благодаря усилиям этих клириков-интеллектуалов, покинувших монастырские стены, королевские и феодальные дворы постепенно стали превращаться в культурные центры[7].

Подобный характер службы позволял клирику путешествовать, переходя от одного франкоговорящего феодального двора к другому, сначала по обе стороны Ла-Манша, а в дальнейшем (как это происходило, например, в случае с трубадурами) и по остальным романским странам. Нам известно несколько феодальных центров, способствовавших процветанию и распространению франкоязычной культуры XII века. Английский

[7] Примечания: 7

Подробнее об этом см. напр.: *Ж. Ле Гофф.* Интеллектуалы в средние века. — СПб.: СПбГУ, 2003.

королевский двор[8] покровительствовал Марии Французской[9], Басу[10], Бенуа де Сент-Мору[11], а также многим анонимным авторам романов на античные и артурианские сюжеты. Мария и Генрих Шампанские оказывали покровительство Кретьену де Труа[12], перешедшему в дальнейшем ко двору Филиппа Эльзасского. Нахождение при дворе клирика, сочиняющего песни, стихи или романы, повышало авторитет покровителя-феодала.

Как было упомянуто выше, старофранцузские версии античных произведений не являются переводами в современном понимании этого слова, а представляют собой переложения. Средневековые авторы обычно следует сюжету и сохраняют основные черты персонажей произ-

---

[8] Примечания: 8

В период англонормандской монархии, начавшийся после завоевания Англии нормандским герцогом Вильгельмом Завоевателем в 1066 году, основным языком английского двора был нормандский диалект французского.

[9] Примечания: 9

Мария Французская (ок. 1160 — ок. 1210) — автор сборника «Лэ», стихотворных новелл на народные бретонские сюжеты. См. например: *Мария Французская.* Двенадцать повестей / пер. со старофранц. В.А. Долиной. — М.: Водолей, 2011.

[10] Примечания: 10

Вас (ок. 1115 — ок. 1183) — нормандский поэт. Автор «Романа о Бруте», рыцарского романа в стихах, посвященного истории Британии. На русский язык не переводился.

[11] Примечания: 11

Бенуа де Сент-Мор (? -1173) — французский поэт и историограф при дворе Генриха II Плантагенета. Автор стихотворных романов на античные сюжеты: «Романа о Трое» и «Романа об Энее». Фрагмент из «Романа о Трое» см. в кн.: *Матузова В.И.* Английские средневековые источники IX–XIII вв. / под. ред. ВТ. Пашуто, Я.Н. Щапова. — М.: Наука, 1979.

[12] Примечания: 12

Кретьен де Труа (ок. 1135 — ок. 1183) — автор ряда стихотворных романов, посвященных рыцарям артуровского круга. См., например: *Кретьен де Труа.* Эрек и Энида. Клижес. / изд. подг. В.Б. Микушевич, А.Д. Михайлов и Н.Я. Рыкова-М.: Наука, 1980., а также: *Кретьен де Труа.* Ланселот или Рыцарь Телеги. / пер. со старофранц. А.Н. Триандафилиди и Н. В. Забабуровой. — РнД.: Foundation, 2012.

ведения-прототипа, но сознательно адаптируют его к культуре и быту средневековой Европы. Античные герои таким образом превращаются в средневековых рыцарей и дам, перенимают их привычки, вкусы и жизненный уклад. Античные поэмы, обычно написанные гекзаметром, облекаются средневековыми авторами в форму парного восьмисложника — размера хорошо приспособленного под нужды произведений повествовательного характера[13]. Французские авторы мастерски адаптируют латинскую лексику к новому языку, заменяют античные риторические конструкции на средневековые и, что особенно важно, находят круг тем, способных увлечь самую широкую аудиторию.

[13] Примечания: 13

Парный восьмисложник — двустишие, состоящее из четырехстопных ямбических строк с мужскими окончаниями. Этот стихотворный размер прост и хорошо подходит для старофранцузского языка, изобилующего короткими (одно- и двухсложными) словами и ударными окончаниями. Этим размером написано подавляющее большинство средневековых стихотворных романов и новелл.

2

Оставляя за пределами рассмотрения переложения эпических произведений, мы остановимся здесь на двух небольших поэмах, вдохновленных богатейшим источником мифологических сюжетов — «Метаморфозами» Овидия (43 до н. э. — 17 н. э). «Пирам и Фисба» и «Сказание о Нарциссе» (дословно, «Лэ о Нарциссе» [14]) — небольшие стихотворные новеллы, написанные в период между 1165 и 1175 гг. на англонормандском диалекте старофранцузского языка. Неизвестный автор (или авторы) воссоздает два мифа, отличающиеся изысканным эротизмом и трагическим финалом. Оба произведения снискали большой успех не только у современников, но и среди потомков — вероятно, благодаря своего рода новаторству: двигателем повествования служат не столько удивительные события, сколько игра чувств[15].

«Сказание о Нарциссе» — переложение мифа о

[14] Примечания: 14

Lai de Narcisse. Поэма известна также, как De Narcissus lai и Narcisse et Dané.

[15] Примечания: 15

Отголоском сюжета «Пирама и Фисбы» является «Ромео и Джульетта», а «Сон в летнюю ночь» — переработкой в комическом ключе.

Нарциссе и Эхо, изложенного в «Метаморфозах» [16]. У Овидия Нарцисс — сын речного бога Кефиса и нимфы Лириопеи. Слепой прорицатель Тиресий возвещает, что Нарцисс доживет до старости, «если не увидит себя». Когда Нарцисс достигает пятнадцатилетнего возраста, в него, наделенного поразительной красотой, влюбляется множество дев и юношей, но сам он любовь презирает и никому не отвечает взаимностью. Б него безнадежно влюбляется горная нимфа Эхо, которая «крайние только слова повторять из многих умела» [17]. Она готова отдаться Нарциссу, однако тот жестоко ее отвергает. Б отчаянии, Эхо прячется в пещере, где постепенно лишается плоти — от нее остается лишь печальный голос. И тогда все отвергнутые Нарциссом девы взывают к богам, требуя отомстить гордецу. Их мольбам внемлет богиня Немезида. Как-то раз в жаркий день, устав после долгой охоты, Нарцисс склоняется над ручьем, чтобы утолить жажду, и застывает, пораженный:

---

[16] Примечания: 16

Liber III, 339–510.

[17] Примечания: 17

Здесь и далее текст «Метаморфоз» приводится по изданию: *Публий Овидий Назон.* Метаморфозы / Пер. с лат. С.В. Шервинского. — М.: Художественная литература, 1983.

Жажду хотел утолить, но жажда возникла другая!

Воду он пьет, а меж тем – захвачен лица красотою.

Любит без плоти мечту и призрак за плоть принимает.

Сам он собой поражен, над водою застыл неподвижен…

Влюбленный в собственное отражение и неспособный покинуть ручей, Нарцисс умирает от тоски. Пришедшие похоронить его, не находят тела — оно претерпевает удивительную и прекрасную метаморфозу[18]:

Плакали нимфы дерев – и плачущим вторила Эхо.

И уж носилки, костер и факелы приготовляли,

Не было тела нигде. Но вместо тела шафранный

Ими найден был цветок с белоснежны-

[18] Примечания: 18

В античном мифе в поэтической форме обыгрываются два типа отражения (света и звука), а также проступает реальная характеристика цветка — нарциссы произрастают во влажной почве, нередко близ ручьев.

ми вкруг лепестками.

В средневековом «Сказании о Нарциссе» мифологическая составляющая отходит на второй план. Вместо нимфы Эхо, в Нарцисса влюбляется королевская дочь Данэ[19], прекраснейшая среди фиванок. Красавец Нарцисс (которому безымянный прорицатель предсказал раннюю гибель, если тот «себя узрит») назван здесь «сыном вассала ее отца». Данэ открывает Нарциссу свою любовь, а будучи отвергнута, пытается соблазнить его, представ перед ним обнаженной. Но даже столь смелый шаг не оказывает на Нарцисса должного воздействия. Охваченная обидой и отчаяньем, девушка взывает к богам «неба, земли и морей» и, в особенности, к Венере, чей сын Амор[20] и явился виновником ее страстной любви. И боги, как повествует автор «Сказания», решают удовлетворить мольбу девы. Однажды в жаркий день Нарцисс, уставший от долгой погони за ланью и мучимый жаждой, отстает от своих

---

[19] Примечания: 19

Происхождение имени «Данэ» (Dané) неясно. Некоторые исследователи предполагают, что оно навеяно именем «Дафна» (Daphne — по-французски) или «Даная» (Danaé). Героини с такими именами присутствуют в «Метаморфозах».

[20] Примечания: 20

Амор (или Амур) в средневековой литературе — олицетворение жестокой и безудержной любви.

товарищей. Неожиданно он попадает на опушку леса, где перед ним предстает мраморный колодец. Склонившись над колодцем, он видит прекрасный образ, в котором не узнает себя.

Чем дольше он созерцает отражение, тем сильнее влюбляется в него. Вдруг он осознает свою ошибку:

Провидец правду говорил!
О, как же мог я позабыть
Его слова…

Нарцисс раскаивается и взывает к Богу, прося позволить вновь увидеть Данэ, — он желает перенаправить свою любовь на нее и так спастись от смерти. Неожиданно Данэ появляется перед ним, но Нарцисс, переживший нечто напоминающее апоплексический удар, не способен говорить: он пытается выразить свои чувства жестами, но внезапно умирает. Девушка покрывает поцелуями умершего и проклинает себя, осознав, что из-за обращенной к богам мольбы ее любимый погиб. Она решает умереть рядом с ним. Трагический финал подобного рода уже был хорошо знаком средневековой публике из легенды о Тристане и Изольде.

Автор «Сказания о Нарциссе» в основном

следует сюжетной канве Овидия[21], однако к античным элементам и персонажам добавляются средневековые реалии. Обращаясь к своему отражению, Нарцисс вопрошает: «Не знаю как тебя назвать: нимфой, богиней или феей ручья». Так, в одном ряду упоминаются античные и средневековые волшебные существа. Также сосуществуют «боги» (античные) и «Бог» (очевидно, христианский), упоминающийся в восклицаниях и клятвах. Появляются и признаки феодального общества: король (отец Данэ) называется «сиьюром» Нарцисса. Универсальные декорации (лес, ручей), присутствующие в обоих вариантах истории о Нарциссе, соседствуют в «Сказании» с реалистичными элементами средневековой Европы: так, описывается башня замка, покои Данэ и т. д.

Особой выразительности средневековый автор достигает в изложении длинных монологов

[21] Примечания: 21

Отметим, что в большинстве монологов Нарцисса автор почти дословно следует Овидию. Исключение составляет удивительной силы пассаж, посвященный хулению Амора.

влюбленной девушки[22]. Автор касается почти всех возможных проявлений влюбленности, описывая ее бессонную ночь: навязчивых мыслей, противоречивых желаний, любовного томления, телесного недомогания. Влияние Овидия очевидно[23], — говоря о любви, Данэ использует целый арсенал лирических штампов: Амор (Любовь) поражает страшной стрелой, любовь — это одновременно жар и холод, любовь заставляет краснеть и бледнеть, дрожать и стенать, любовь всесильна и безжалостна, любовь равносильна безумию. Смерть же обоих героев описывается натуралистично: Нарцисс умирает вследствие апоплексического удара, Данэ надрывается насмерть, пытаясь приподнять тело возлюбленного.

Для усиления реалистичности повествования средневековый автор отказывается от кульминационного момента мифа — метаморфозы Нарцисса. Более того, упразднив мифологический

---

[22] Примечания: 22

Внутренние монологи Данэ составляют почти треть от общего объема «Сказания». Ничего подобного нет у Овидия — там нам удается услышать лишь повторяющую финалы фраз Эхо. Мифологическая отстраненность и лаконичность уступают место психологизму и куртуазной риторике.

[23] Примечания: 23

Однако, прямого заимствования здесь нет.

элемент, он использует историю о несчастной любви в морализаторском ключе. Этому посвящен весь пролог поэмы (ок. 40 строк), начинающийся словами:

Кто глаза разума бежит,
Тот никогда не избежит
Возмездия…

Наказание, посланное героям «Сказания» (смерть во цвете лет), автор связывает с нарушением «закона меры»: всему виной не только чрезмерная гордость Нарцисса (и нежелание подарить любовь деве, открывшей свои чувства первой), но и безмерная, безудержная любовь девушки, отвергнувшей «заветы разума».

«Сказание» заканчивается предупреждением:

Пусть смерть Нарцисса и Данэ
Напоминаньем служит всем:
Влюбленных следует беречь,
Чтобы несчастье не навлечь.

3

«Сказание о Нарциссе» сохранилось в четырех рукописях. Три из них, содержащие полный текст поэмы, хранятся в Национальной Библиотеке Франции. Четвертая рукопись, хранящаяся в Берлинской государственной библиотеке, содержит лишь половину текста в силу утраты 27 последних фолио кодекса. Все упомянутые манускрипты датируются XIII веком.

В новое время произведение неоднократно переиздавалось. Ряд изданий сопровождает прозаический или подстрочный перевод, например: *Il lai Ai Narciso,* introduzione, traduzione e note di M. Mancini. — Roma: Pratiche, 1989 (итальянский подстрочный перевод). Существует французский прозаический перевод Э. Баумгартнер и два подстрочных перевода на английский (Р. Дж. Кормье и П. Эли).

Настоящее издание представляет собой первый стихотворный перевод «Сказания». Перевод выполнен по тексту так называемого «манускрипта C» (Paris, BNF fr. 2168). В переводе сохранен не только стихотворный размер, но и система рифм. Разбивка на главки привнесена переводчиком.

Изабель де Рикер

Пролог [24]

Кто гласа разума бежит,
Тот ни за что не избежит
Возмездия: настанет срок —
И преподаст судьба урок.

Как поступают моряки,
Собравшись в плаванье идти?
Корабль в море поведут,
Лишь если будет ветер дуть
Благоприятный. Если нет,
То остаются на земле.
Подобно этому, в любви
Разумен тот, кто, проявив
Предосторожность с первых дней,
Любовных избежит сетей.
А тот, кто полюбив едва,
Готов всего себя отдать
И обуздать не может чувств,

[24] Примечания: 24

Строка 1. Здесь и далее в начале каждой главы в сноске приводится номер соответсвующей строки оригинала.

Опаснейших любовных пут
Не упасется – станет он
И воли, и любви лишен.

Но с тем, кто все-таки попал
В силок Любви или в капкан,
Не следует жестоким быть:
Ужасны гордости плоды!
Природою любовь дана
Двоим – она утверждена,
Чтобы дарить обоим сласть —
Этим нельзя пренебрегать.
Я более того скажу:
Любой отвергший деву муж,
Всяк, кто дары любви презрел,
Достоин смерти на костре!
А то ведь сколько страшных бед
Людская порождает спесь…
Фиванский юноша один
Любовь гордыней погубил
И сам в страданиях угас —
О нем я поведу рассказ.

I [25]

В окрестностям далеких Фив
Великий прорицатель жил[26]*:*
Он славу громкую стяжал,
И разнеслась о нем молва
По всей земле. Его слова
Сомнению не подвергал
Никто – в пророчествах своих
Неточности не допустил
Он ни одной. Но как-то раз
К нему с ребенком на руках
Пришла фиванка, дабы нить
Судьбы сыновней прояснить.
Ответ последовал такой:
«Прославится ребенок твой,
Однако, лик свой увидав,

---

[25] Примечания: 25
Строка 41 оригинала.

[26] Примечания: 26
У Овидия прорицатель назван: это — Тересий, ослепленный Юноной и получивший дар прорицания от Зевса.

Он потеряет жизни дар.
И ты должна его беречь...»
Дама, услышав эту речь,
За чистый вздор ее сочла
И, насмехаясь, прочь пошла.
Но все исполнилось, увы,
Как прорицатель говорил,
Правда, нескоро.
А дитя
Росло. Уж юношею стал
Нарцисс (так звался дамы сын) [27],
Уже он статен и красив —
Пятнадцать лет! Прекрасный лик,
И телом ладен: не велик,
Не мал – хорош. И люди все
Дивились юноши красе[28].

Как много сил пришлось вложить
Природе, чтобы наделить

---

[27] Примечания: 27

Здесь Нарцисс — сын безымянной фиванки. У Овидия он — сын нимфы и речного бога. Средневековый автор сознательно упраздняет мифологические элементы.

[28] Примечания: 28

Овидий не описывает внешность Нарцисса вплоть до сцены у ручья.

Его подобной красотой!
Работа кистью и резцом
Была сложнейшей, но она
Все же была завершена,
И появился наконец
Красы великой образец.

II [29]

Работа эта началась[30]
Созданием прекрасных глаз:
Сверкали сотни бликов в них,
И взгляд был смелым и прямым.
Но что важней всего – Амор
Вложил такую сладость в взор,
Что он способен был весь мир
Изжечь, любовью воспалив.
Потом Ваятель изваял
Лица изящного овал,
А после на него нанес
Красивый рот и ладный нос,
Потом зубами рот снабдил,
Удачно их расположив
Между прекрасных алых губ,

---

[29] Примечания: 29

Строка 71 оригинала.

[30] Примечания: 30

Над созданием Нарцисса работают двое: Природа (она же Ваятель) и Амор (одновременно бог Любви и ее олицетворение).

Слегка отставивши одну —
Но лишь слегка, совсем чуть-чуть,
Чтоб на беспечность намекнуть.
А что Амор? Амор уста
Благоуханьем напитал:
Его лишь стоило вдохнуть,
И тотчас же врывался в грудь
Огонь безудержной любви
И он вдохнувшего томил.
Затем Природа перешла
К ваянью подбородка: шла
Работа долго над лицом —
Пока гармонии во всем
(Б соотношении частей)
Не удалось добиться ей.
Изящно брови нанести
Она смогла, чуть удлинив
Их линию на коже лба,
Превосходившей все шелка.
И, наконец, ей удалось
Из прядей вьющихся волос
Соткать прекрасный водопад —

Он ярче золота сверкал!
Потом расцветку для лица
Природа стала подбирать —
Чудесный создан был состав:
Он никогда не выцветал,
Не выгорал и не старел,
Там был добавлен в белый цвет
Живой и нежный красный тон —
И сам Амор был удивлен,
Сколь совершенен был Нарцисс!
Подобного не повторить —
Недостижимо мастерство,
С которым делали его!

III [31]

Пятнадцать минуло годов…
Как он хорош! Весь день готов
Он кабанов разить в лесу,
Бить дичь из лука на лету,
А то, копье вложивши в длань,
Преследует младую лань —
Так страсть к ловитве в нем горит.
Иной же он не знал любви:
Влюбленных дев и страстных дам
Нарцисс обычно избегал.

Но вот, в один прекрасный день
Он возвращался, утомлен
Погоней долгой, и устав,
Он только лишь прекрасней стал —
Нежнее сделались черты.
Он ехал все… Вдруг на пути
Возникла башня, и тогда

---

[31] Примечания: 31
Строка 113 оригинала.

Пал на него случайно взгляд
Девы, стоявшей у окна[32],
Царевною была она.
Та девушка звалась Данэ,
И ни одна фиванка с ней
Сравниться не могла в красе[33].
Едва лишь юношу узрев,
Она была поражена:
Сколь мужествен и нежен враз
Он был. О, как же он хорош!
И строен, и в груди широк,
Ладные плечи, контур мышц,
И ноги длинные прямы,
Ступни в блестящих стременах…
Но тут пришпорил он коня,

---

[32] Примечания: 32

Девушка или дама, стоящая у окна и влюбляющаяся в проезжающего мимо незнакомца — распространенный в средневековой литературе мотив. Подобное происходит, например, с королевой Гиневрой в «Лэ о Ланвале» Марии Французской и с Лави-ньей, героиней «Романа об Энее» Бенуа де Сент-Мора.

[33] Примечания: 33

Вместо нимфы Эхо (так у Овидия) появляется королевская дочь Данэ, и действие переносится в декорации Средневековья. Любопытно, что красота девушки лишь упомянута, что контрастирует с многократными и детальными описаниями красоты Нарцисса.

Она ж, застыв, смотрела вслед,
Пока не скрылся он совсем.

Все, что увидела Данэ,
Прекрасным показалось ей,
Непревзойденнейшая сласть —
На всадника того взирать!
Но чем же это объяснить?
Данэ собралась отойти
Прочь от окна, но в этот миг
Ее, смущенную, застиг,
Из выси увидав, Амор:
Он лук достал, прищурил взор,
Стрелу ужасную вложил
И в сердце с силой запустил.

Едва стрела вонзилась в грудь,
Как девушка лишилась чувств.
Очнувшись, с пребольшим трудом
Поднялась с пола, а потом,
Вся бледная и трепеща,
Пыталась рану отыскать,
Свою ощупывая грудь.

Но вскоре бросила, смекнув,
В чем дело – дева поняла,
Кем пущена была стрела[34].
И вот, превозмогая страх,
Данэ заговорила так:
«Безжалостное божество!
Ты не страшишься никого:
Баронов, графов, королей —
Всех в этом мире ты сильней.
Любовь – безумия прилив,
Что убивает, опалив,
Любовь и лжет, и предает,
И юным лицам придает
Оттенок мертвенный, изъяв
Из щек румянец, блеск из глаз!
Любовь манит, чтоб полонить,
А после так заворожит
Влюбленного, что он потом,

---

[34] Примечания: 34

В ряде средневековых произведений мотив стрелы любви разрабатывается весьма детально, например, в знаменитом «Романе о Розе» Гильома де Лорриса (в первой части которого, кстати говоря, пересказывается история Нарцисса), а также в уже упоминавшемся «Романе об Энее» (где главная героиня, подобно Данэ, испытывает физическую боль, однако не догадывается, кто выпустил стрелу).

Несом безумья скакуном,
Летит неведомо куда,
Отбросив воли удила...»

Однако больше у Данэ
Сопротивляться силы нет,
И ей уже не усмирить
Страсть, что зажглась в ее груди.
Она задумалась, вздохнув...
Что это с ней? Она в плену
Любви! Уж хлад ее объял,
А вот опять терзает жар,
В груди стенанья, а вздохнет —
И тотчас тело дрожь трясет —
Так мучает любовь одна!
Данэ стояла вся бледна.

Уж день прошел, настала ночь.
Возможно, темнота помочь
Сумеет деве? На постель
Данэ ложится. Только ей
Все неудобно: в потолок
Глядит ли, ляжет ли на бок

На тот, на этот, вновь и вновь —
Нет, не дает уснуть Любовь.
«Увы! – воскликнула Данэ. —
Смогу ль забыться я во сне?
Все с бока на бок я верчусь,
И чем-то будто бы томлюсь…
Быть может, на меня нашла
Болезнь? Как трудно мне дышать,
И в теле дрожь… Да что со мной?
Постель моя всему виной!
Господь, проклятье поскорей
Нашли на тех, кто мне постель
Готовил нынче! Что за люд
Негодный! Вред один несут
Они. Конечно! Вижу я:
Перины взбиты так да сяк!
Да их хоть раз-то потрясли?
Собрались перья все в комки.
Неудивительно, что сон
Не шел. Какой уж тут покой!
Пошлю за няней – пусть придет
И мне перины вновь взобьет».

Данэ, набросив серый плащ,
Вышла кормилицу позвать.
Та спит. Белят ей поскорей
Готовить госпоже постель.
Она подушки подняла
И вытрясла, потом взяла
Перины, не забыв под низ
Соломы свежей положить[35].
Данэ сама ей пособить
Взялась: и набивать и бить,
Обертывать и накрывать.
И наконец ее кровать
Готова. Только что-то в ней
Не то: могла бы быть ровней,
Или чрезмерно высока,
А покрывало по бокам
Провисло слишком, и жестки
Подушки. Тут Данэ с тоски
Уж няню думала ругать,
Но нет… Немного подождав

---

[35] Примечания: 35

Здесь вполне реалистично изображена постель знатной особы в Средние века.

И снова на постель взглянув,
Пришла в довольство. Почему?
Да потому что, пусть на миг,
Она забыла дивный лик
Нарцисса. Но едва она
Легла, совсем изможднена,
Ко сну готова отойти,
Как снова он пред ней возник.
«Да что же это? Что со мной?
На этот бок ли, на другой
Перевернусь – а толку нет,
Не делается лучше мне.
Быть может, это не постель
Здесь виновата, просто все
Вдруг обострились чувства враз,
Или какой-то в теле спазм,
И оттого оно болит,
А сердце пламенем горит?
Хочу уснуть, но вся дрожу,
То полежу, то похожу —
Вдруг вижу я черты лица
Того, кто нынче проезжал

Здесь рядом. Что мне до него?
Да ведь во всем виновен он
И дивная его краса:
Лишь вспомню – словом не сказать,
Какая входит в сердце боль.
Ох, как же он хорош собой!
Хорош? Но велика ль цена,
Красе, когда она дана
Мужам дурным? Скорей всего,
Тот юноша жесток и горд!
Что говорю я? Как могли
Такие мысли посетить
Меня? Он мне не делал зла
И нет причин его ругать!
А что же, мне его хвалить?
Боже! Откуда принеслись
Все эти мысли, эта злость,
Откуда все это взялось?
Куда пропала разом вся
Благожелательность моя?
Браню, не зная про него
Ровнейшим счетом ничего,

Заветы разума забыв!
Одно бесспорно: он красив,
А тот, кто совершенен столь,
Не может быть дурным душой!
Как смела я его хулить?
Сомнений нет, что в нем сошлись
Все совершенства. Ну и что?
Какое дело до того
Тебе, Данэ? Ему не быть
Твоим! Да? Кто же воспретить
Мне это сможет? Разве взять
Дерзнешь ты юношу в мужья,
Отцовской воле вопреки?
Безумья этого беги!
Король? Согласие его?
Безумен тот, кто долго ждет!
Решенья в муках ожидать?
Нет-нет, согласия отца
Искать не буду. Где здесь смысл!
Где смысл? Да кто тебе вложил
Столь дерзкие слова в уста?
Ты потеряла разум, став

Безумной… Нет! Как дальше жить
Сама решу я! Подожди —
Твоим родителям видней!
Данэ, ты – дочка королей,
Они сумеют подобрать
Супруга, что тебе под стать!
А что, если избранник тот
Услады мне не принесет?
Данэ, ты позабыла стыд!
Что в наслажденьях смыслишь ты?
Ужель, увиденный вчера,
Всех прочих слаще? Боже, да!
Известно мне наверняка,
Хоть незнакомы мы пока.
Но как теперь мне поступить?
Мне срочно надо завести
Знакомство с ним! Бот только как?
Сама пойду бродить в лесах?
Царевна побежит за ним?
О, да! Мне нужен он один!
Да разве можно, увидав
Его, иного возжелать?

Столь благороден, столь красив!
Такие ладные ступни
В посеребренных стременах!
Как он изящно удила
Держал! Как он сидел в седле!
Каким он взором вдаль глядел!
Эти глаза! А этот рот,
Что поцелуев нежных ждет…
Но чьих? Конечно же, моих!
Ах, как хочу я получить
Права на сладкие уста!
Скорей бы этот день настал…
Наверно, так и быть тому.
А если нет? Какая чушь!
Иному не произойти:
Сойдутся наши с ним пути!
О, Боже правый! Снова бой
Я повела сама с собой.
Ну хватит! Силы больше нет!
Как нужен мне теперь совет…»

IV [36]

Промучилась она всю ночь:
То подойдет к окну, то прочь
Идет, то ляжет на кровать,
Глаза сомкнет – не может спать,
То плачет и себя корит,
То утешеньем ободрит,
То начинает вновь рыдать
И просит Бога смерть послать.
Всю ночь Амор ее терзал,
И день уж новый подступал,
Как вдруг благословенный сон
Спустился. Но недолго он
Отдохновенье ей дарил:
Грядущего утра лучи
Еще дремали, но Данэ
Проснулась и к окну скорей
Пошла, ведь в этот самый час

---

[36] Примечания: 36
Строка 297 оригинала.

Он на охоту мог скакать.

Выглядывая из окна,
Немало времени она
Ждала, терзаясь. Вдруг вдали
Прекрасный юноша возник
Верхом на резвом скакуне.
Как сердце дрогнуло Данэ!
Он ей казался в этот раз
Еще прекрасней, чем вчера —
Она не отрывала глаз,
Пока он мимо проезжал.
Но вот уже коня шаги
Не слышны. И Данэ без сил,
Волнением истомлена,
Присела на пол у окна
И снова страждет. Может быть,
Стоит посредника найти
И вслед за юношей послать?
Вот только где ей отыскать
Того, кому секрет любви
Открыть нестрашно было бы…
«О, Боже, что со мной стряслось:

Все эти муки, реки слез!
Не знала прежде я любви —
Теперь румянец с щек бежит,
А тело дрожь нещадно бьет —
За сутки все наперечет
Мне пытки удалось познать!
Но суждено ли мне и сласть
Изведать? Ах, если бы он,
Взаимным чувством обожжен,
Меня искал, или ему
Поведали про страсть мою,
И он меня бы полюбил
И попросил моей руки,
Тогда, с согласия отца,
Могла б по праву обладать
Красавцем. А самой идти
И о любви его молить
Мне не пристало. Впрочем мы
Во всем (почти что) с ним равны:
Мы юны, хороши собой —
Не будет это похвальбой,
Не королевских он кровей,

Но благороден, и важней
Всего, что он мне – не родня,
И это радует меня.
Отца о помощи просить?
Нет, он тебе не пособит,
Ведь ты же знаешь: короля
Ждут неотложные дела!
Но что же делать? Как мне быть?
Ведь дальше муку выносить
Не в силах я – любовь мою
Открыть должна я, но, боюсь,
Благонадежного гонца
Мне не удастся отыскать.
Пойду сама. Но страшно мне…
Лучше посланник! Или нет?
Что он сумеет предпринять
Если любовь мою принять
Тот не захочет? Нет, сама
Данэ ответ принять должна!
Но где ты юношу найдешь
И речь какую поведешь?
А вдруг собьешься? Вовсе нет!

Пойду искать его чуть свет —
Я постараюсь не будить
Тех, кто покой мой сторожит,
А после я пойду туда,
Куда он ездит по утрам,
И там, в лесу, его найду,
К ногам прекрасным припаду
И перед ним открою все:
Я посмотрю ему в лицо,
А после буду умолять
Во имя Бога даровать
Любовь. Постой! Очнись, Данэ!
В каком ты пребываешь сне?
Где добродетели твои?
Где ум? Тобой руководит
Безумие! Ты умолять
Пойдешь юнца? Ты – дочь царя!
Вздор! Только тот, в ком нет любви
Не станет искренне молить:
Простолюдинки и княжны —
Все о любви молить должны!
Остановись, Данэ, молчи!

Как щеки стали горячи…
Безумье, завладев тобой,
Ведет с твоим рассудком бой,
Верней, рассудок твой разбит!
Спокойно если посудить,
Здесь никакого смысла нет —
Глуп и безумен твой проект,
Его не выйдет воплотить,
Ведь ты не ведаешь пути.
Пустяк! Все страхи эти – вздор,
Когда мой проводник – Амор!»
И мыслей бой на миг притих —
Решенье принято: идти.
Идти скорей! Сомненья, прочь!
Восходит день, уходит ночь.

V [37]

И вот когда взошла заря,
Данэ с постели поднялась,
Промаявшись почти всю ночь.
Но как волненье превозмочь? —
Воистину, любви дана
Непостижимой силы власть:
Любви отдавшись, мудрецы
И разуменье, и стыд
Теряют[38] *– их познанья все*
Не помогают им совсем.
И дева юная бежит,
Предосторожность позабыв,
Из дома прочь в полночный час,
Когда темнеют небеса —

---

[37] Примечания: 37
Строка 401 оригинала.

[38] Примечания: 38
Любовное безумие мудрецов — распространенный литературный мотив в Средневековье. В «Лэ об Аристотеле», например, рассказывается, о том, как великий философ, обезумев от любви к некоей своенравной даме, готов был возить ее на спине, ползая на четвереньках.

Амор всесилен и жесток,
Кто угодит в его силок,
Того он станет изводить
И пыткой страшною томить.
Он будет любящего жечь,
Покуда тот не встретит смерть;
Богатство или знатный род —
Ничто от смерти не спасет.
Данэ, в силок любви попав
И власть над сердцем потеряв,
Про родословную забыв,
Не помнит, как себя вести
Пристало дочери царей,
Ведь страсть пылает все сильней —
Теперь любой безумный шаг,
Она стремится оправдать.
К чему приводит пыл такой?
Данэ покинула покой,
В дверь маленькую проскользнув,
И вышла на дорогу. Путь
Петляя вел туда, где лес
Далекой зеленью темнел.

Ни разу не передохнув,
Она все шла, и лишь в лесу
Присела на краю бревна,
Без сил, – на миг накидки ткань
Явила тела наготу.
Данэ ждала. Потом, вздохнув,
Не в силах в теле дрожь унять,
Решила к Господу воззвать.
Она воскликнула: «Господь!
Когда увижу я его,
Всели отвагу в сердце мне,
Чтобы увереннее речь
Звучала». И едва молить
Она закончила – глядит:
Ватага юношей летит.
Она успела отойти,
Обнаруженья избежав.
Проехали. Сильно отстав,
Переведя коня на шаг,
Ехал Нарцисс. И вот когда
Выстрел из лука отделял
Нарцисса от его друзей,

Данэ явилась из ветвей.
Ее увидев, он решил,
Что это фея перед ним
Предстала в утренних лучах —
Так несказанно хороша
Была Данэ. Сойдя с коня,
Он поклонился. Но она,
Лишившись от волненья слов,
Вдруг бросилась его лицо
Лобзать. Опешивший Нарцисс
Отпрянул. «Кто ты? – он спросил,
Придя в себя. – По воле чьей
Ты очутилась средь ветвей?»
«Синьор, – в ответ услышал он, —
Надеюсь, ты не огорчен
Встречей с несчастной, что жила
Беспечно, но вчера была
Обречена на смерть. Лишь ты
Можешь злосчастную спасти!
Прекрасный незнакомец, знай,
Болезнью я изведена:
Жестокий и могучий бог

Страстью к тебе меня обжег —
Все мои мысли, грезы, сны
Теперь к тебе обращены.
Ответь же на мою мольбу:
Мне избавление даруй!
Пускай, мои слова просты,
Но ты… Ах, да… Желаешь ты
Узнать, кто говорит с тобой?
Изволь: отец мой – твой король.
Я здесь, поскольку нету сил
С любовью, что меня томит,
Бороться – это сам Амор
В столь ранний час меня повел
И смелость мне вложил в уста.
Судьба моя в твоих руках —
Ничто, кроме твоей любви
Меня не в силах исцелить!
Ты оживить меня готов?
Ответь любовью на любовь!
Взгляни же! Мы сотворены,
Чтоб вместе быть, ведь мы равны
И возрастом и красотой…»

Услышав это, наш герой,
С усмешкой легкой отвечал:
«Клянусь, я прежде не слыхал
Столь странных слов! Но что же ты
Рассчитывала обрести,
Подобную сказавши речь?
Хочу тебя предостеречь:
Неверный ты избрала путь!
Тебе бы лучше отдохнуть —
Тогда бы ты в себя пришла.
Одно скажи: как ты пришла
Сюда? Хотя немудрено —
Безумцу храбрым быть дано.
Но разве дочке короля
Пристало по лесу гулять
Без спутников в столь ранний час?
Что до любви, ее пора
Не подошла – столь юны мы,
Зачем же время торопить?
Ты говоришь: Амора мощь
Ужасна, и меня зовешь
На помощь, но ведь жар любви

В сердце мое не заходил.
И если правда, что любовь
Такую злую боль несет,
То лучше я остерегусь —
Не то, не дай Бог, окажусь
Терзаем, точно так, как ты.
Знать не хочу такой любви!
Тебе же я совет даю:
Не трать зазря мольбу свою
И воротись домой скорей».

Попробуй тут не побледней!
Рыдания с трудом сдержав,
Данэ стояла вся в слезах.
Но равнодушен наш герой —
Его не проберешь слезой...
Тогда накидку распахнув,
Нагого тела белезну
(Слегка зардевшись от стыда)
Явила дева. Но устав
От хлада, долгого пути,
Она совсем лишилась сил —
И брызнула из носа кровь

И капала на кожу стоп.

Данэ качнулась, дуги рук
В надежде бросились к нему —
А он, не двинувшись, смотрел
На длани белые как снег:
Ни тканей, ни колец на них,
Таких прекрасных и нагих;
Он видел нежные глаза,
Как слез поток их заливал,
И как стекали капли вниз
И по груди ее неслись.
И что же? Он растроган был?
Ничуть! Как видно, наделил
Юношу этого Творец
Наичерствейшим из сердец.
Все в мире истоптав пути,
Мы не смогли б нигде найти
Мужчину – кем бы ни был он:
Бароном, графом, королем,
Иль императором самим,
Или эмиром сарацин —
Кому бы это удалось:

Не проронить ни капли слез,
Видя несчастную Данэ.
Нарцисс же сообщает ей,
Что он не в силах ей помочь
И, взяв коня, уходит прочь.

VI [39]

Какая охватила боль
Данэ, когда Нарцисс ушел!
Она, несчастная, стоит,
Рыданий не сдержать в груди…
Но вот, стенания прервав,
Она воскликнула: «Мертва!
Мертва я! Ведь теперь спасти
Ничто мою не может жизнь —
И я надеялась вотще —
Напрасны речи были все.
О, прежде мне во всем везло —
Теперь Судьба со мною зло
Обходится! Данэ, не раз
Рассудок твой предупреждал,
Однако не внимала ты…
Все так, но как посмел вести
Себя со мной этот юнец

---

[39] Примечания: 39
Строка 539 оригинала.

Столь безобразно? Разве мне
Это могло на ум прийти?
Все ожиданья превзойти
Сумел он! Здесь его вина.
И кем же я оскорблена?
Кем? Сыном ленников отца[40]*!*
Что бы сказала наша знать,
Узнав об этом? Боже мой,
Да что же станется со мной!
Ну почему Господь, создав
Такие дивные глаза,
Великой спесью их снабдил?
Ах, если б он уродлив был,
Я оскорбление снести
Смогла бы, но ведь он красив!
Как же со мною был он груб!
Но в чем причина? Почему?
Что породило неприязнь
Его ко мне? Да что гадать!
Конечно, дело в нем самом —

---

[40] Примечания: 40

Привнесен средневековый элемент: по законам феодального общества отец Нарцисса приходится вассалом отцу Данэ.

Ужасно черством и дурном!
Я благородна и мила,
Я девство бережно блюла,
И кто сравняется со мной
Приятностью манер, красой?
Ни у кого нет рук нежней…
Да что там! Только лиходей
Или отвратный мужелюб[41]
Отвергнуть мог мольбу мою.
Как безучастно он взирал,
Даже руки мне не подал!
Он что, не видел ног моих,
Истерзанных, в шипах, в крови?
Нет, этому прощенья нет!
Но почему еще сильней
Горит во мне огонь любви?
Мне юношу не позабыть —
Его краса виной всему:

---

[41] Примечания: 41

В оригинале Данэ обвиняет Нарцисса в *«mout mal afaitiés»*, что, вероятно, является намеком на гомосексуальность. Сравним с «Лэ о Ланвале» Марии Французской: там отвергнутая королева говорит герою без обиняков: «Но и другую песню / Знаю я на твой счет: / Мол, дамы не интересны, / А к рыцарям не влечет?» (перевод В. А. Долиной).

Едва лишь в мыслях я решусь
Его бежать, как сей же миг,
Встает в моем сознаньи лик
Прекраснейший, и образ тот
Опять к себе меня влечет...

Пускай он дурно поступил —
Неважно! Лишь бы он решил,
Раскаявшись, меня просить
Ему прощенье подарить.
Данэ, замаливать вину
Не станет он. Пойми, ему
Все это чуждо, ибо он
Душой дурною наделен.
О, мука! Мне не убежать
И не забыть, и не забрать
Сердце обратно. Как же быть?
Мне сердце не дает остыть!
Теперь я вот как поступлю:
К нему посланника пошлю!
Ведь юноша не устоит,
Если атаку повторить...
Безумье на тебя сошло!

Какой в посланце будет толк,
Когда гордец тебя отверг?
Мой ум в смущеньи… Кто я? Где?
Кто мать моя и кто отец?
Была ты дочкой королей,
Кто позабудет род такой?
Нет, это – ложь! Я сиротой
Росла: родителей, друзей
Не знала я, и нет людей,
Готовых добрый дать совет.
Конечно есть! Ведь ты – Данэ!
О, Боже! Что произошло
Со мной? Что на меня нашло?
Себя мне нужно в руки взять,
Рассудок чтоб не растерять.
Не то в дикарку превращусь!
Что здесь я делаю в лесу?
И почему мой плащ упал?
Амор меня околдовал —
Жестокий, виноват во всем!
Амор? Он разве мне знаком?
Нет, помешательством ума

Зовется это – я больна:
То пребываю я без чувств,
То чувства все войну ведут,
Не слушая рассудка слов...»
Тут стала звать она богов:
«О, боги неба и земли
И повелители стихий,
Вы, искушенные в любви,
Что надо всем и вся царит,
И ты, богиня из богинь,
Что, сына миру подарив,
Меня на муку обрекла[42],
Я, боги, заклинаю вас
Мои страдания смягчить
И по заслугам наградить
Того, кто осмеяв любовь,
На злую смерть меня обрек.
Пусть он познает боль любви,
Которую не утолить!»

И эта страстная мольба

---

[42] Примечания: 42
То есть, Венера.

Вскоре услышана была.
А что Данэ? Она теперь,
Вернувшись, притворила дверь.

VII [43]

Нарцисс тем временем скакал,
Преследуя лесную лань
В компании своих друзей.
Жар становился все сильней —
Стояло солнце высоко.
Когда же полдень подошел,
Ужасной жаждою томим,
Коня он приостановил,
И от друзей своих отстав,
Отправился воды искать.
Блуждал он долго средь ветвей,
Вдруг услыхал: журчит ручей,
А вскоре перед ним возник
Одетый мрамором родник[44]*:*

---

[43] Примечания: 43
Строка 631 оригинала.

[44] Примечания: 44
У Овидия — не колодец, а ручей. Мраморный колодец как место чудесной встречи или происшествия встречается в ряде средневековых произведений, например, в уже упоминавшемся «Романе о Розе» Гильома де Лорриса и в «Рыцаре со львом» Кре-тьена де Труа.

Чиста и сладостна вода,
Кругом – зеленая трава,
Ручья бежит веселый ток,
Тревожа золотой песок.

Нарцисс скорей сошел с коня
И наклонился через край
Колодца, чтоб воды испить,
Но в изумлении застыл:
Из хладных и спокойных вод
Смотрело на него лицо.
«О, Боже! Как же хороша
Хозяйка этого ключа!» —
Нарцисс воскликнул, поражен.
А над спокойною водой
Амор жестокий хохотал —
Нарцисс его добычей стал.

Покуда наш герой взирал
На отраженье и гадал,
Кто это смотрит на него
Из глубины прохладных вод,
В нем начала любовь расти,

Он глаз не может отвести —
Чем дольше в воду он смотрел,
Тем нравилась ему сильней
Дева колодца. Он молчал,
Хотя в груди его слова
Скопились, но ее спугнуть
Страшился он, и потому
Безмолвно деву созерцал:
Ее власа, ее глаза,
Шеи изгиб, округлость плеч.
Хоть силы не было терпеть,
Но он терпел – Амору он
Стал безраздельно подчинен.

Разве Нарцисс подозревал,
Что он обмана жертвой стал?
Влюблен… В кого? Ему не весть,
Что та, от коей глаз отвесть
Не в силах он – игра воды
И отраженной красоты,
Которой сам он наделен —
Нарцисс собою полонен!
И вот, Амора прежний враг,

Теперь в страданьи и слезах,
Просил Амора снизойти.
Но с девою заговорить
Он не решался и терпел.
Но вдруг такой жар одолел
Его, что далее не мог
Сдержаться он. Тяжелый вздох
Донесся из его груди,
А после он проговорил[45]*:*
«Созданье дивное! Боюсь,
Что я неверно нареку
Тебя, ибо не знаю я
Кто ты: богиня ли ручья,
Принадлежишь ли роду фей[46]*,*
Но кто б ты ни была, скорей
Приди и тело мне яви!
Чего же медлишь ты? Приди!
Иль ты смеешься надо мной?

---

[45] Примечания: 45

В речи Нарцисса над колодцем безымянный автор почти дословно воспроизодит текст Овидия.

[46] Примечания: 46

В оригинале: «богиня, нимфа или фея». Таким образом, автор упоминает античных сверхестественных созданий в одном ряду со средневековыми.

Да ведь и сам я красотой
Не уступлю тебе ничуть —
Умерь-ка лучше спесь свою!
Я сам ведь множество слыхал
Признаний страстных, но настал,
Как видно, мой черед пылать
Огнем любовным и узнать,
Какой ужасный жар палил
Тех, кто желал моей любви.
Что притаилась под водой?
Предстань скорее предо мной!
Приблизься! Разделяют нас
Не океаны и моря,
А пара пригоршней воды,
Но из-за них мне свет постыл!
Она молчит… Моих речей
Ей не понять? Не слышно ей?
Какая же здесь глубина?
О, нет! Услышала она!
Но мне совсем не слышен звук,
Я вижу лишь движенье губ —
Приглушен голос толщей вод.

Но что же деве не дает
Ко мне прийти? Не гордость ли?
Или желанья разошлись
Ее с моими? Но зачем
Она моим движеньям всем
Немедля вторит: я смеюсь —
Она смеется. Если грудь
Вздох всколыхнет – она вздохнет,
Заплачу – тотчас слезы льет,
Волос коснулся я рукой —
Она свой локон золотой
Поправила. Но почему?
Я смысла жестов не пойму…
Если бы в ней зажглась любовь,
Она явилась бы давно.
Одно из двух: либо дразнить
Решила, либо, может быть,
Ей не покинуть этих вод.
Но что мне делать? Полон слез
И тяжких мыслей, вдруг смеюсь,
И снова плачу и томлюсь.
Хоть солнце летнее палит,

И должен жар во мне бродить,
Все тело сотрясает дрожь,
Как будто бьет холодный дождь.
Припоминаю, слышал я:
Муки подобные томят
Влюбленных – тех, кто угодил
К Амору в тенета любви.
Не он ли, мною завладев,
Меня мучениям подверг?
Он был мне прежде незнаком,
Теперь же кое-что о нем
Узнал я: мучить и пытать
Он – мастер. Этакую казнь
Он мне устроил! Мощь и власть
Его огромны. Правда, знать
Не знаю толком: что он? Кто?
Откуда родом? Где живет?
Разведать? Но какой мне прок
Знать родословную его
Или размер его земель,
Когда он мною завладел
И мучит, мучит, что есть сил!

Я хорошенько уяснил
Особенность его манер,
И, кажется, я понял, где
Он был рожден…
Средь снежных гор
На скалах был рожден Амор,
Все снег и ледники вокруг,
Лишь редкий луч прорежет вдруг
Мглу хладную[47]*. И потому*
Амор ужасен: телом груб,
Страшны черты его лица,
В груди – магнитная руда,
А в жилах у него не кровь —
Чугун расплавленный течет.
Земля, в которой он царит,
Зовется адом. Там стоит
Стон страждущих, а нарекли
Амора божеством глупцы —
Проведать им не удалось,

---

[47] Примечания: 47

Этот монолог (отсутствующий у Овидия) свидетельствует о том, что автор мог быть знаком с «Романом об Энее», где Дидона подвергает сомнению божественное происхождение Энея из-за его жестокости.

Какая ненависть и злость
Сокрыты в сердце у него.
Да разве будет божество
Людей терзать? А он томит
И пыткой страшною казнит!
Высокородных предает,
Зато рабы и всякий сброд —
Его любимцы, лишь добро
Им достается от него.
Нет, кто бы что ни говорил,
На небе не принадлежит
Ему ни пяди! Погоди…
Как быстро сведущим в любви
Ты стал. Как смог ты все узнать?
Ужели сам сумел понять?
А может, нет? Наверняка,
Это – слова наставника!
О, да! Наставник мой – Любовь,
Что учит, воспаляя кровь.
Амор мне суть свою явил
И пыткой сердце умудрил».
Потом, на воду бросив взгляд,

Нарцисс со страстью восклицал:
«О, сладостное существо!
Из-за тебя все естество
То стынет, то огнем горит!
Когда бы только знала ты,
Как нестерпима эта боль,
Ты бы предстала предо мной!
Все тщетно… Видно смерть близка,
Ведь если дева родника
Никак меня не ободрит,
То прежде, чем лучи зари
Утра грядущего падут,
Я здесь, измученный умру».
И наклонившись через край
Колодца вновь он вопрошал:
«Что же тобой руководит?
Коварство? Гордость? Весь твой вид,
Твои глаза мне говорят,
Что ты с приязнью на меня
Глядишь. Но почему же ты
Тогда не выйдешь из воды?
Пресыться же моей мольбой —

Прошу я: сжалься надо мной!
Твое уменье повторять
Меня – какая в этом сласть! —
Теперь живу я лишь тобой,
Не нужен мир мне остальной!
Приди!». К колодцу прислонясь,
Застыл Нарцисс – он будет ждать
Ответа здесь, перед ключом.

Простясь тускнеющим лучом,
День отошел, спустилась мгла.
Всю ночь Нарцисс себя терзал,
В пылу безумья не поняв
Своей ошибки. Он не спал
Не двигался, не ел, не пил…
Но вот день новый наступил.
Страданьем долгим изведен,
Он зарыдал, потоки слез
Колодца взволновали гладь,
И отраженье скрыла рябь.
«Несчастье!» – в горе он вскричал. —
«Куда? Куда она ушла?
Сокрылась ли во тьме глубин?

Теперь остался я один…
Один! Куда ни кинешь взор —
Нет ни души. Зато Амор
Не отступает ни на миг —
О, как меня он утомил!
Пора бы смерть мне даровать…
Жалею я? Чего мне ждать!
Уж лучше скоро умереть,
Чем дальше эту боль терпеть!»
Вдруг видит: снова из воды
Лицо прелестное глядит.
Он улыбнулся, и тотчас
Ему прекрасные уста
Явили сладостный ответ.
Тогда, не в силах утерпеть,
Он поцелуями покрыл
Гладь водную и погрузил
В колодец руки, но персты
Вернулись из воды пусты.

VIII [48]

Тогда Нарцисс стал размышлять:
«Как странно… Деву не поймать:
Она приблизилась ко мне
И вдруг исчезала в глубине.
А не обман ли это чувств?
Конечно же, колодец пуст!
Я полонен ничем иным,
Как отражением моим!» —
Воскликнул он. Однако страсть
Даже теперь не унялась:
Себя жестоко он корит,
Но сердце лишь сильней горит…
Это – безумная любовь
Страданьем разжигает кровь!
Он в замешательстве. Бежать
Прочь от колодца, чтобы встать
На путь разумной жизни, он

---

[48] Примечания: 48
Строка 830 оригинала.

Не может, ибо подчинен
Он страсти. И она сильней,
Чем прежде – видно силу ей
Его отчаянье дарит,
Не знает он, как поступить.
Вдруг он застыл, ошеломлен:
Про предсказанье вспомнил он.
«Провидец правду говорил!
Ну как же мог я позабыть
Его слова, которым мать
Моя решила не внимать?
Теперь я знаю наперед:
Ничто уже не принесет
Успокоенья мне, пока
Я жив, теперь наверняка
Я от отчаянья умру.
Какую страшную игру
Ведет Амор – намного злей
Меня изводит: раньше мне,
Пусть ненадолго, пусть на миг,
Случалось муку позабыть,
Ведь сладостью меня питал

Коварный отраженья взгляд.
Теперь я знаю: под водой
Нет никого, теперь игрой
Все обернулось вдруг пустой —
И непрерывной стала боль.
Увы! Мне выпало любить
Фантом, мерцание воды!
И все ж меня сжигает страсть…
Но разве может так терзать
Любовь, когда ее объект
Отсутствует? Конечно, нет!
Ведь эти плечи и лицо,
Что вижу я на глади вод,
Мне самому принадлежат!
Безумец! Я влюблен в себя!
На свете кто-нибудь слыхал
Подобный бред? Как я устал!
Пустое! Ведь глаза закрыть
Мне очень скоро предстоит…
Жаль, кроме моего коня
Тут никого. Так кто меня
Оплачет? Лес здесь да поля…

Поля! Я заклинаю вас:
Пролейте слезы надо мной
И над умершею красой
Шепчите, травы преклонив:
„Здесь упокоился Нарцисс,
На смерть с рожденья обречен,
Смешную гибель встретил он“.
А ты, дремучий древний лес,
Скажи, случалось ли тебе,
Прожившему так много дней,
Любовь подобную моей,
Столь безнадежную, видать?
Молчишь? Не хочешь отвечать?
Клянусь! Я первый и других
Злосчастных не было таких.
А где же боги, что блюдут
Закон и учиняют суд
По справедливости всегда?
Вы, боги, милость даровать
Мне не желаете теперь?
Но разве заслужил я смерть?
А боги… Боги-то глухи!

Увы мне! Ни один из них
Ко мне на помощь не пришел,
Видя мучение мое.
Увы! Впустую я взывал…
Кто „милосердными“ назвал
Таких богов? А может быть,
Они к тому же и слабы?
Всесилие богов и мощь —
Лишь вымысел, ведь мне помочь
Никто из них ничем не смог.
Бессильно сборище богов!
Несчастный! Кто же нашептал
Тебе столь дикие слова?
Не верь ему! О, боги, речь
Безумную простите мне!
Я, как безумец говорил.
Чего я ждал? О чем просил?
Как мог я требовать от вас
Того, что невозможно дать?
Оно и так всегда при мне,
С рожденья, до последних дней.
Так что за страсть меня томит?

Мне одному принадлежит
Все то, чего желаю я!
Откуда боль моя взялась?
Себя желаю самого!
Чего же мне не достает?
О чем же мне богов просить,
Когда мне выпало любить
И быть любимым? Что еще
Мне нужно? Что нам не дает
Быть вместе? Нам? Что значит „мы“?
Не „мы“, а „я“! Здесь нет двоих!
Я даровать любовь прошу?
Кого? Кому мольбу я шлю?
О чем молить, когда любовь
Моя не может мне помочь —
Кто эту муку утолит?
Я сам – объект моей любви!
Нет… Выхода иного нет…
Мне остается умереть.
Оплачет кто? Здесь никого —
Мои друзья ушли давно,
А мать не думает искать.

Что ж, в одиночестве принять
Придется смерть среди лесов.
Но все меня терзает… Что?
Как будто чувствуется мне,
Что ненавистен стал я всем!
Какое чувство! Если мать
Могла меня бы отыскать,
И пролила б потоки слез
Со мною вместе, и волос
Коснулась нежною рукой,
Утихла бы немного боль.
А больше никого и нет,
Кто б захотел прийти ко мне
Оплакать юность и красу…
А как же дева, что в лесу
Ко мне намедни подошла?
Да, верно, и она была
Прекрасна… Дивное лицо,
Омытое потоком слез,
На нежном теле тонкий плащ…
Себя, я помню, назвала
Несчастнейшей и, трепеща,

Любовь молила даровать.
Меня! Несчастная! Теперь
Несчастный – я, кто не хотел
Любовью одарить любовь.
Зачем не слушал нежных слов?
Случись прекрасной деве здесь
Вновь очутиться, мой ответ,
Клянусь, совсем бы был другим —
Немедленно бы подарил
Я сердце ей без лишних слов,
И наваждение бы ушло[49]*...*
Пускай Амор меня в силки
Поймал, и воле вопреки
Терзает, я бы смог бежать,
Мою перенаправив страсть!
Да-да, когда бы дева вновь
Предстала здесь передо мной,
Неистовый любовный пыл
Я на нее бы обратил!

---

[49] Примечания: 49
Любопытный психологический ход: Нарцисс не только раскаивается в бесчувственности, но и руководствуется расчетом, надеясь избавиться от наваждения, перенаправив любовный пыл на Данэ.

О, да! Дано воскреснуть мне!»
Однако вскоре помрачнел:
«Глупец! Мне воздадут сполна…
Нет, не появится она».
Едва он это произнес,
Как страшный спазм скрутил его,
И сердце замерло. Потом
Он судорогой сотрясен
Три раза был. Еще удар —
И он утратил речи дар.

IX [50]

Когда Нарцисс открыл глаза,
Что он увидел? Кто стоял,
Глядя растерянно? Данэ!
Не в силах более терпеть,
Она пришла его искать.
Опять одна накидки ткань
Скрывала тела наготу,
А он глядел, но немоту
Не в силах превозмочь, молчал.
О, как он говорить желал!
Случившееся объяснить
Пытаясь, пальцем на родник
Он указал, потом к Данэ
Он повернулся, руки к ней
Он протянул, а слез ручьи
Вниз по щекам его текли.
Потом же слезы он утер

---

[50] Примечания: 50
Строка 972 оригинала.

И снова руки к ней простер,
Широко распахнув глаза —
Тут удалось ей разгадать
Его движений скрытый смысл:
Прощения просил Нарцисс!

Молча приблизилась Данэ
К Нарциссу, но в этот момент
Он руки к горлу приложил,
Вздохнул и дух свой испустил.
Данэ в отчаяньи к нему
Прильнула, но лишилась чувств.
Очнувшись, стала обнимать,
И, плача, губы целовать,
Потом чело, потом глаза,
Что покрывала пелена.
«Любимый мой, зачем теперь
Тебя настигла злая смерть?
Я знаю: милость мне явить
Хотел ты, только говорить
Был неспособен… И ответ
Не смог в глазах моих прочесть!
Вместо любви я смерть твою

Нашла. О, горестный союз!
Уст остывающая сласть!
Ужели выпало мне стать
Причиной этой смерти злой?
Безумная! Зачем богов
Просила и зачем достиг
Их слуха мой безумный крик?
И вот он умер! Что теперь?
Умру! Ведь силы нет терпеть!
Пусть мертвой – буду вместе с ним,
Такая смерть милей, чем жизнь».

Юноша мертв. Уже не здесь
Его душа. Недвижен лес,
Безмолвствует листва дубрав.
Когда, остатки сил собрав,
Пыталась приподнять Данэ
Нарцисса, смерть пришла за ней
И за собою увела —
Это Амор Данэ послал
Освобождение от мук…
Конец рассказу моему.
Пусть смерть Нарцисса и Данэ

Напоминаньем служит всем:
Влюбленных следует беречь,
Чтобы несчастье не навлечь.

От переводчика

«Сказание (Лэ) о Нарциссе» написано, подобно большинству средневековых поэм, так называемым «французским восьмисложником», т. е. восьмисложными двустишиями с мужской рифмой. Размер стиха — четырехстопный ямб.

Двустишие — простейшая форма строфы. Ярким примером жанра, построенного на двустишии, является частушка. Александрийский стих, пользовавшийся популярностью в русской поэзии в допушкинскую эпоху, также опирался на двустишие, точнее, на чередование двустиший с мужскими (ударными) и женскими (безударными) окончаниями.

Сложность в передаче французского восьмисложника по-русски связана с ограничением, которое накладывает наличие в оригинале исключительно мужских рифм. В старофранцузском языке подавляющее большинство слов имеет ударные окончания, в русском же это не так. Поэтому неудивительно, что четырехстопный ямб в русской литературе использует обычно чередование мужских и женских окон-

чаний (вспомним «Домик в Коломне» Пушкина). Можно сделать и более общее наблюдение: число русских стихов, состоящих из одних только «мужских строк», невелико.

Несмотря на вышесказанное, сохранение ударных окончаний при переводе «французского восьмисложника» необычайно важно, т. к. использование чередования двух типов рифм существенно меняет мелодику, разжижает стих и вызывает призрак четверостишия (что привносит ненужные ассоциации с русским девятнадцатым веком). Однако именно чередование, построенное по принципу «две мужские строки, две женские», использует большинство переводчиков старофранцузских поэм. Исключение составляют переводы, в которых фрагменты, строящиеся исключительно на мужских рифмах, чередуются с фрагментами, состоящими из рифм женских (так поступил, например, Ю. Б. Корнеев в переводе «Романа о Тристане»). Переводы, выполненные исключительно мужскими рифмами, мне не известны.

В прошлом, переводя средневековые поэмы, написанные французским восьмисложником, я полностью отказывался от рифмы, но сохранял ударность окончаний. Так сделаны переводы

анонимного «Бестиария Любви в стихах» и «Слова об Отражении» Жана Ренара. Б настоящем переводе предпринята попытка воспроизвести французский восьмисложник на русском, сохраняя и ударные окончания и рифмовку. Однако во многих случаях я обращался к неточным рифмам, которых в оригинале почти нет. Впрочем, еще Шевырев (а за ним и Пушкин) ратовал за использование самого широкого арсенала рифм в переводах (см. об этом гл. «Русская октава и Пушкин» в кн.: *Эткинд Е. Г.* Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. — Л.: Наука, 1973.). Представляется, что естественность речи не следует приносить в жертву рифме.

О результате пусть судит читатель.

Павел Рыжаков